

Секция

«Фиксировать, предвосхищать, моделировать.

Социальная инженерия в управлении социальными институтами»

Модератор Александрова Ольга: Буду с удовольствием работать здесь с вами. Хочу представить сомодератора. Сначала представлюсь сама - Александрова Ольга Аркадьевна, зам. директора Института народонаселения Российской академии наук и заодно профессор департамента социологии финансового университета и соорганизатор, сомодератор Тюриков Александр Георгиевич – руководитель департамента социологии финансового университета.

Мы вас приветствуем. Постараемся всю свою программу выполнить, поэтому у нас будут строго следить, нам дали вот такие страшные красные желтые карточки. Значит описание понятное, о в нашей секции был сегодня: «Россия - страна возможностей», а мы говорим и вызовы сейчас такие, что вопрос: а возможна ли альтернатива, она совсем простая – бедность и сегрегация социальная, или все-таки мы найдем возможности, чтобы все нашли себе работу по плечу и заработали, в том числе, на ней на то, чтобы поддерживать свое здоровье, насколько это возможно.

Все спикеры, которые обещали, должны прийти. Я им сегодня посылала последние презентации, поэтому они к нам придут. Немножко мы меняем порядок выступлений, потому что коллеги будут уходить на другие важные мероприятия. Первым я предоставляю слово доктору экономических наук, профессору, известному очень человеку - Вячеславу Николаевич Бабко, потому что ранее Всероссийский центр уровня жизни, а ныне это Центр уровня жизни в нашем институте, за что мы очень признательны Вячеславу Николаевичу. Пожалуйста. И они очень много изучали неустойчивую занятость в своем выступлении, и расскажет о своих трудах.

Тюриков Александр: Я сразу хочу поправить, что наша секция - это секция пессимистов. Но не понимая дна, мы не можем оттолкнуться наверх.

Бобков Вячеслав: Уважаемые коллеги, спасибо! Я извиняюсь за то, что нарушаю этот регламент.

Хорошо, коллеги, значит тема вот такая: поскольку присутствующие погружены в эту проблему и знают, постараюсь в двух словах описать. Есть вот такой в мире во всем глобальный процесс, связанный с трансформацией занятости, который происходит из-за того, что развивается гибкая занятость. И эта гибкая занятость развивается, как следствие научно-технической революции. Даже может быть вообще научно-технических

революций. Сейчас вот эта революция промышленная 4:0. Вот такая организационно-техническая сторона этого процесса, а социально-экономическая сторона этого процесса состоит в том, что вследствие перехода в гибкую форму занятости, разрушается так называемая стандартная занятость.

А стандартная занятость (по-другому – это устойчивая занятость), она имеет несколько ключевых таких индикаторов. Это прежде всего бессрочный трудовой договор и очень высокие социальные гарантии работников. Вследствие этой модели занятости, которая сформировалась в прошлом веке после Второй мировой войны, в основном, в силу того, что тогда мощное освободительное движение везде. Эти силы по всей Европе вынудили работодателей изменить модель занятости. Вот такая возникла занятость, которая называлась «стандартная занятость». Сорокачасовая рабочая неделя, без особых переработок, без сокращений рабочего дня, прямые отношения работника с работодателем, отпуск, социальные взносы на работника, больничные листы, оплата праздничных и всяких дней - вот это разрушается. И разрушается объективно, в силу развития новых этих процессов гибкой занятости, когда работники вынуждены менять. Работодатель в этих условиях вынужден, так сказать, заинтересован сокращать затраты на работника, и он пользуется этим в силу гибкой занятости, принимает на своих условиях и нарушает социально-трудовые права. Трудовые социальные права работника.

Этим процессом озабочен весь мир, и Международная организация труда этим занимается. Мы с вами проводим конференцию благотворительной народной организации труда за 2019-й год. И он, кстати, обращает внимание на эту проблему, на эту незащищенную занятость. Я сделал большую презентацию, она доступна, и поэтому все могут ее себе скачать. Сделал ее большой специально, чтобы компенсировать недостаток времени на доклад.

Так вот, что мы сделали, то что я вам буду докладывать. Мы исследовали кластеры, так называемые, или профили современной занятости, провели большой социологический опрос. Поскольку у нас социологический форум.

Провели опрос тысячи примерно работников и потом выявили профили занятости. Нам хотелось посмотреть, а как различаются, как можно сгруппировать самозанятых, посмотреть, как трансформируются эти формы занятости, в какие профили их можно объединить. Положили в основу этого объединения контракты: бессрочный, срочный. Характер трудовых отношений: прямые, непрямые. То есть много посредников, всякие агентства занятости, которые принимают, сами не дают, а направляют на предприятия.

Какие условия труда, есть ли доступ к соцзащите, какой объем заработной платы или других доходов; какие риски увольнения и так далее. И вот в результате, наше

исследование показывает, я потом немножко скажу в конце, что мы разные критерии применяли для оценивания масштабов этой неустойчивости занятости. Насколько разрушены сегодня стандартно трудовые отношения, где признаки неустойчивости от половины до 75% работников. Это огромный масштаб. Вот сегодня прошла информация (вчера она еще прошла), что прекратили, прекратят публиковать информацию о доходах населения. Потому что пятый год подряд снижается доход населения, а зарплата растет, по данным Росстата. И значит опять же была одна из причин недовольства - это руководство страны и первый вице-премьер публично это высказал. Премьер и председатель Росстата направили ТЗ министру экономического развития, сейчас небольшой может и разыгранный, но публичный конфликт между министром экономики и Селивановым, поскольку Селиванов эту инициативу высказал. Для чего? Для того, чтобы вещать, что несовершенная методика определения этих доходов, прежде всего.

Как так, зарплата растет, а доходы падают, реально это. Есть много проблем. Есть политические проблемы, я их не касаюсь. А вот с точки зрения экономической, этот процесс неустойчивости занятости, я вижу, вносит очень большой вклад.

Дело в том, что средняя заработная плата считается только по крупным и средним предприятиям. Одну треть предприятия она не охватывает. Мелкие предприятия, самозанятость, индивидуальное предпринимательство. Никто статистику объективную не знает об этих трудовых доходах, доходах от занятости. Поэтому эта цифра средней заработной платы, которую публикуют, она завышена, по всей видимости, причем прилично завышена. Поэтому одна из причин возникновения этой вилки, когда с одной стороны зарплата - основной источник доходов, привыкли. Поэтому в экономике много чего меняется и поэтому этот процесс влияет на много что, в том числе на эти статистические данные и на то, что необходимо искать подходы к оцененному. Поэтому за политическим решением надо найти экономическую предпосылку, которая складывается. Но если 75 процентов работников имеют признаки неустойчивости занятости, значит мы много чего не знаем по тем оценкам, которые делали раньше. Какой тут опасный опрос. Мы выделили 4 профиля работников. Первый профиль - это те, кто более чем другие находится ближе к требованиям стандартной занятости, что выявили. Второй профиль - разрушены уже эти отношения, неудовлетворенность трудом.

Смысл вот в чем. Четыре профиля. Первый профиль - стандартные, второй - разрушенные стандартные, то есть как правило, не меняются, но фактически люди не работают. Третий профиль - вот эти новые нестандартные формы занятости, когда он, допустим, оформлен как самозанятый или как индивидуальный предприниматель, а фактически, допустим, таксист работает у частного какого-то предпринимателя. То есть это такие отношения

новой формы занятости. И контракты через посредников, и многие другие. Вот это третий профиль. И четвертый профиль - не деловая занятость. Выяснилось, что профиль первый со стандартом резко отличается от всех других.

Старые, больше старых, больше женщин, меньше молодежи, но более высокие доходы, нет рисков увольнения. Второй профиль разрушает. А вот в третьем профиле вообще кардинально происходит смена. По формальной занятости, то есть это формальная занятость нестандартной формы. Но там мы наблюдаем резкий рост увольнений, резкий рост уменьшения прав работников, и так оказывается положение работников даже хуже, чем в четвертом профиле. Которые в теневой экономике работают.

Значит, выводы какие мы из этого делаем: если мы хотим стандартную занятость сберечь и сохранить ее преимущества, мы должны барьеры, вступления туда молодежи, барьеры, связанные с демографическими характеристиками - мужчины, женщины, эти барьеры преодолеть, найти для этого меры по усовершенствованию законодательства, сохранив его преимущества.

Второе, если мы хотим, вообще говоря, чтобы не было теневой экономики, мы должны заняться профилем номер три. Где вот эти нестандартные формы занятости, там положение работников хуже, чем в теневых формах занятости. Они туда и ходят, потому что они в формальных формах занятости не стандартных, они по типу-то одинаковые, но они по правилам игры разные. Вот этот третий профиль, он так сказать, сегодня показывает самое худшее положение работ. То есть мы не можем, мы – это управление, власть, все, кто занимается трудом - не могут управлять социально-экономическим отношением, тут много что надо менять. Вот общий вывод.

Теперь пару слов можно прочитать с презентации. Я давно занимаюсь этой проблемой, и мы выпустили несколько книг по этому вопросу. Я дам ссылку на сайт. Я три года возглавляю коллектив, который занимается исследованием этой проблемы. Есть три книжки. Последняя книжка «Неустойчивая занятость», мы сделали из нее выжимку и сделали вот такой вот доклад и направили его во все органы власти. А раньше в 2017-2018 году мы выпустили еще одну книжку на основе международной конференции.

Все результаты трехлетнего исследования, они на этом сайте. Он работающий, там можно скачать все монографии, все статьи, которые были опубликованы по этой проблеме. Сайт работающий, обновляющийся. Мы его сейчас готовим к крупной конференции, которая будет осенью проводиться в Институте социально-экономических проблем академии наук. Совместно с крупными зарубежными учеными. Поэтому можете почитать, можете скачать себе. Можете интересоваться, как идет динамика исследований в этой области,

можете участвовать в диалоге, в конференциях. Мы будем рады приветствовать и вообще мы наблюдаем в последнее время резко возросший интерес к исследованию проблемы.

Без этого нельзя. Если это не исследовать, то мы просто не будем знать, что творится в нашей собственной экономике.

Модератор: Спасибо большое, Вячеслав Николаевич. Коллеги, осталась одна минута у Вячеслава Николаевича. Кто-то готов задать вопрос совсем короткий, Вячеслав Николаевич ответит, или мы его отпустим, у него заседание в Думе, он должен убежать. Отпустим. Есть вопросы Александр Георгиевич?

Тюриков Александр: Вопрос, который исходит из результата вашего исследования о профиле занятости. Мы в центр внимания ставим потребности экономики и государства, когда человека пытаемся разместить в сетке координат его трудоустройства или мы ставим интересы человека?

Бобков Вячеслав: Вот мы, как исследователи данных дел, скажем так, тут нельзя одно от другого отделять, человек - это всегда конечная цель в развитии любой экономики. С другой стороны, человек - это всегда определенный ресурс в развитии экономики. Главная движущая сила в развитии экономики. Когда эти исследования были в 90-ых годах в нашей стране, особенно как раз в Высшей школе экономики Гимпельсон, Капелюшников, и целый других исследователей. А они обращали внимание именно на экономику, прежде всего, таких форм занятости. И в данном случае с позиции работодателей больше выступали, с позиции государства, как работодателя и как заинтересованного в большей части населения. И сейчас это также. Если посмотрите, как наше правительство ставит вопрос, оно сейчас борется уже несколько лет с нелегальной, так называемой, занятостью, легализация занятости – они поставили задачу. И для чего? Для того, чтобы увеличить взносы. Эта проблема связана с тем, особенно в теневой экономике, что работодатель не платит за людей взносы, систему социального страхования, налоги не платит, а значит бюджет всех уровней лишается.

То есть господствующая до сих пор линия состоит в том, что на эту проблему смотрят с позиции работодателя, с позиции государства, как фискальной функции государства. Мы же смотрим на эту проблему прежде всего, с позиции работника, потому что мы выявляем факторы и признаки незащищенной занятости, ищем пути, для того чтобы в этих гибких формах занятости найти способы защиты трудовых прав работника, а главные вообще способы в этом - это повышение конкурентоспособности.

Модератор: Спасибо большое, Вячеслав Николаевич. Я сразу даю слово, у нас как говорят в спорте, произошла замена в ходе встречи. Сейчас вместо Камал Юлии Игоревны, любезно согласилась выступить, Ева Александровна, вы сюда подойдете?

Вашу презентацию я уже загрузила. Стюарт Ева Александровна – зам. Руководителя Московской городской ассоциации родителей детей инвалидов, член всероссийской соответствующей организации, член Координационного совета по делам инвалидов при общественной палате Российской Федерации. Пожалуйста.

Стюарт Ева: Добрый день! Спасибо за возможность выступления. Я очень долго делала презентацию, но поняла, что по времени я не уложусь и поэтому, наверно, лучше она будет идти фоном, а я буду говорить своими словами. Социальная инженерия невозможна без проведения опроса аудитории. Это то первичное звено, на котором, в принципе, в дальнейшем идет строительство нашей законодательной власти. Роль родительских организаций в формировании социального запроса, это самое главное – она позволяет отобразить наличие явных социальных проблем, предотвратить их разрастание, разработать решение, в наибольшей степени устраивающее все стороны. Аспекты взаимодействия органов государственной власти вместе с общественными организациями, я это все зачитывать не буду - это все есть в презентации, и она остается.

Почему у нас опросы очень часто отличаются от стандартных государственных, выполненных какими-то другими организациями. Да, мы не обладаем властной структурной мощностью государства его социально-экономическим и аутоинтационным потенциалом. Однако у нас имеется один ряд преимуществ, такой, которым не обладает государственный аппарат, без которых невозможно обойтись, я уже говорю про детей инвалидов, в основном в Москве. Хотя создана Всероссийская ассоциация родителей детей-инвалидов, у нас около 47 регионов представительств уже сделано. И мнение родителей детей инвалидов могут полней учесть в своей работе ценность и приоритеты своих членов. Информацию, которую мы получаем, более полна или валентна для участия в законотворческой деятельности. Собственно, инициатива родителей позволяет найти новую форму социальной интеграции, разработка которых была бы затруднительной без учета мнения самих инвалидов. Высокая мотивированность и организованность таких ассоциаций создает почву для формирования разветвленной инфраструктуры, способной более эффективно администрировать как государственные ресурсы, так и средства, поступающие от благотворителей.

Вот здесь наш опрос - трудность семей с детьми инвалидами. Почему я привожу в пример наши опросы. Посмотрите, пожалуйста, что у нас стоит на первом месте: материальные трудности, нехватка средств. Второе – медицина. Третье – трудоустройство. Четвертое – социальное сопровождение и уход. Ну, а дальше пошло вот образование, физическое перемещение и так далее. В Москве, насколько вы знаете, было увеличено пособие лицам, осуществляющим уход, с 2018 года оно было поднято с шести тысяч до двенадцати тысяч

рублей. Это была инициатива нашей организации. Вот эти опросы были представлены Правительству Москвы и в Правительство Российской Федерации. Это материальное положение семей с детьми инвалидами, но на самом деле не все так плохо. Это уже мы смотрели по России. Потому что, когда идет опрос по Москве, вы знаете, у нас такой город более финансово экономически стабильный, у нас, к сожалению, получаются другие опросы, но более оптимистичные. В регионах все намного печальнее.

Как же выбрать вот эту организацию, которая будет проводить опрос, ведь столько много общественных организаций, фондов, и все они, безусловно, хороши. И, безусловно, занимаются нужной деятельностью. А как понять, что именно эта организация проведет полный опрос, что этот опрос не будет сделан так: десять человек опросили, сделали выводы, началась работа, а потом выяснилось, что это очень маленькая такая ячейка. Организация МКО, опять же, это наше наблюдение, должна состоять из родителей, ну я сейчас говорю в рамках детей инвалидов и молодых инвалидов 18+, хотя у нас молодые инвалиды и до сорока пяти есть и инвалиды, у которых есть интеллектуальные нарушения.

Формирование этой организации, консолидированного запроса, работа этой организации в органах исполнительной власти. Далее идут МРГ – это межведомственные рабочие группы, куда представители этой организации должны входить. Правительство субъекта, решение вопроса и общественный контроль.

Вот если организация общественная может отвечать по всем этим позициям, она осуществляет все эти ступеньки пирамиды, тогда скорее всего опрос будет успешным, он будет действительно, и можно будет работать с этим вопросом и что-то изменить. Спасибо за внимание, если есть вопросы, я лучше на них отвечу. Презентация останется.

Модератор: Коллеги! Есть ли вопросы к Еве Александровне или тема столь сложна, что сразу не сообразить, да. Но тоже есть, я понимаю у вас, сайт, организация.

Стюарт Ева: Да, есть два сайта, все это есть.

Модератор: Коллеги, тогда мы поблагодарим Еву Александровну за то, что она, во-первых, быстро пришла к нам на помощь, заменила Юлию Игоревну, сэкономила время. Желаем вам в вашем удачном мероприятии сегодня. И я попрошу выступить теперь Андрея Михайловича Бирюкова. Это наш коллега из Белоруссии и сопредседатель общественной палаты союзного государства России-Белоруссии. И я несколько раз слышала его выступления, как раз в том контексте, который и вызывает те проблемы, о которых говорил Вячеслав Николаевич. Пожалуйста.

Бирюков Андрей: Добрый день, уважаемые друзья. Я рад присутствовать на этом мероприятии. При этом в начале нашей встречи мой коллега сказал, что здесь, наверное, в

большей степени собрались пессимисты. Я, откровенно сказать, отношусь лично к оптимисту и считаю, что при правильном диагнозе мы всегда имеем лучшие перспективы, нежели они были до этого.

На самом деле нас сегодня ожидают серьезные, глобальные вызовы. При этом вызовы как наших территорий, так и в принципе вызовы для всего мира. С чем это связано? Это связано с переходом на новые технологические рельсы развития промышленности, экономики, сервиса, различных услуг. И, если мы будем правильно оценивать, что же это такое, то у нас появляется уникальный шанс построить новый образ жизни, к которому наверно человечество стремится на протяжении всей жизни, но почему-то уходит все время в сторону. О чем идет речь? Опять-таки, мой доклад называется в связке как цифровая экономика. Я честно говоря, с этим очень сильно спорю, потому что правильно говорить о цифровой трансформации экономики, где в первую очередь, во главе стоит экономика, посредством дальнейшей ее трансформации, и уже дальше – посредством чего.

В рамках новых технологических и цифровых возможностей, мы должны признать в том, что к нам приходят безлюдные технологии, технологии с минимальным количеством использования труда обычного человека, при этом это не касается, скажем, промышленности, касается абсолютно всех сфер. То, чего не было раньше. Это принципиальное отличие изменения технологического тренда по сравнению с предыдущим. И здесь мы должны это очень четко понимать.

Это касается сервиса, это касается юридических услуг, это касается финансовых услуг, это касается промышленности, это касается огромного количества. Яркие примеры - такси, яркие примеры - это заказ нами гостиниц, минуя агентства, исключая человека из процесса.

Это очень серьезный вызов, это очень серьезный вызов, но это и очень серьезная возможность. Почему? Потому что предыдущее столетие мы жили в ситуации, когда город доминировал. И основа сегодня современного города - это неэффективность предыдущего технологического уклада, когда под завод нам нужно было построить микрорайон.

Сегодня для того, чтобы решить эту задачу, нам не нужны эти люди. Следовательно, мы должны для себя решить главную, важнейшую задачу: что же делать с этими людьми. То есть если мы дадим ответ на вопрос занятости населения, при этом массового населения, не боясь сказать того, что у нас недостаточно людей и мы можем быть все заняты, тогда у нас есть будущее.

Если же мы не дадим себе такой ответ, то нас ждут большие проблемы, переход к западным ценностям, однополые браки, генномодифицированные продукты, снижение рождаемости и так далее и тому подобное. То есть это тренд, куда нас будет вести, хотя опять-таки, у нас на нашей территории в постсоветском пространстве, мы находимся в самом лучшем положении. Потому что те территории, которыми мы обладаем, та природа, которой мы наслаждаемся, это лучшее, что нам дано по сравнению с другими странами мира. Мы должны просто этим уметь воспользоваться.

Когда мы рассуждаем на этот вопрос, мы должны для себя дать два ответа. Можно было бы сказать: «А зачем нам нужны новые технологии? Это же такая проблема, потому что столько людей можно выпустить на улицу». Давайте не будем развивать технологичное производство. Но если мы это сделаем, значит мы потеряем конкурентность на мировом рынке. Можем ли мы себе это позволить? Конечно же, нет.

Поэтому мы обязаны, как раз-таки, создать среду для создания новых высокотехнологичных возможностей развития производства. И то, что мы провалились в рамках сегодняшних технологических возможностей современной промышленности, я всем утверждаю, что это наше большое преимущество нежели недостаток. Потому как мы находимся в ситуации, когда нам нечего терять и мы можем переступить через высокотехнологичную цепочку, то что сейчас не сможет сделать Китай. Вот Китай окажется в самой сложной ситуации, потому что им продали вчерашние технологии за огромные деньги, временно предоставили рынки, теперь эти рынки закроют. И дальше начнутся колоссальные проблемы. У нас нет этих рынков, нам их не дали. Это наше преимущество. У нас нет технологий, которые бы нам продали. Мы можем создать новые, мы можем купить самые современные и мы можем создать лучшие условия для развития человека.

Дальше нужно понимать, а что же важно для того, чтобы человек сгенерировал новый уровень жизни и этого развития. Любопытна статистика. Пример США. Они сделали такое исследование. Америка живет в двух направлениях – вверх, высотные дома и одноэтажная Америка, примерно 50 на 50. Статистика, которую они провели в отношении успешных профессиональных творческих людей, 97% - это люди, вышедшие из одноэтажной Америки. Не имели колоссальную подпитку, период предыдущий в рамках Советского Союза, подпитку этих людей из нашего села, сегодня она закончилась. Сегодня наши большие политики, многие политики, двигают нас в сторону урбанизации, то есть 10-15 городов, это катастрофа. Наша задача заняться деурбанизацией, то есть вернуть человека к естественному образу проживания, создав на этих территориях новые возможности с производством.

На самом деле научные труды написаны на эту тему давно. И питерская команда в 2012 году представила такой труд по ландшафту организации, вы можете посмотреть. При этом в тот момент времени они не обращали внимания на вопрос новых технологий, которые придут с проблемами для сегодняшнего человечества. А это сейчас сводится, условно говоря, в одно целое, и мы в этой ситуации уже должны учитывать эту ситуацию. На что еще я хотел бы обратить внимание. Понятно, что без воспитания человека, а не просто образования, у нас тоже нет будущего. Хорошо подготовленный специалист - это хуже, чем просто воспитанный человек. Поэтому это тоже вопрос, где мы можем решить эту задачу. Соответственно, это соответствующая среда, когда мы можем вернуться к схеме общественного воспитания, общинного воспитания людей - это тоже наше преимущество, наши корни, мы были обладателями этих корней изначально. Поэтому мы тоже должны, с научной точки зрения, очень серьезно на эту тему поработать.

Поэтому в данной ситуации - это тоже возможности, которые нам даны и которыми мы обязаны воспользоваться. Дальше многие, в первую очередь финансисты, говорят об этом: «Где же взять деньги?» Понятно, что если мы живем по схеме взять деньги у того, кто нам хочет их дать и они печатают эти деньги, то конечно у нас нету возможностей. Но если мы начнем инвестиции в национальной валюте, при этом будут конкретные программы с воспроизводством тех товаров и услуг на территории, то у нас безграничные возможности инвестирования именно в человека, в эту среду для его развития, для создания там условий, тогда будут рождаться не более, в конечном итоге, трех процентов талантливых людей, и остальных, удовлетворенных своей жизнью. Поэтому создание, скажем, территории социального оптимизма - это тоже важнейший тренд в этой части. Кстати, в рамках такой схемы мы должны не бояться сказать, криптовалюта - плохо для частного, эмиссии, и очень хорошо для государственного их выпуска. Вот, те или иные задачи. Так, к вопросу, опять-таки технологии возможности с точки зрения финансовой. Мы не должны бояться найти эти деньги. Опять-таки, пример развития послевоенный показывал, что мы могли сделать. А еще, очень важный момент - это новый социальный стандарт, который мы должны сейчас предложить человеку. Это то, что мы когда-то исторически миру предложили в 1917 году. Мы должны сегодня сказать, что да, пенсионная реформа только 50-55 лет, а не 70-75. Это колоссальная офёра, которую растянули. Дальше мы должны сказать, что у нас рабочая неделя будет максимум 32 часа, а может быть и того меньше, потому что технологии позволяют нам решить вопрос создания ВВП. А мы должны развивать творчество, познавать себя, познавать мир. И масса других вещей социальных, которые человек, в первую очередь воспримет и никакие законы, никакие

указы, никакие лозунги не приведут общество к результату, если это общество не будет заинтересовано в конечном этом результате. Спасибо!

Модератор: Спасибо большое, Андрей Михайлович, у нас 3 минуты на вопросы. Есть ли вопросы?

Реплика из зала: Скажите, пожалуйста, ваше экспертное мнение по поводу роботизации? Сейчас пугают в мире, что работает роботизация, а как это влияет на труд в наших странах? Есть ли такая опасность?

Бирюков Андрей: На самом деле, опасность есть тогда, когда, если мы не понимаем эту угрозу и не найдем выход из этой ситуации. Я могу назвать такие цифры: производительность сегодня на лучших производствах мира подходит к миллиону евро на человека. Производительность в нашем сегменте промышленности от силы 45-50 тысяч евро на человека. Это в лучшем. В среднем у нас по стране 23 тысячи. Поэтому у нас нет шансов, если мы увеличим эту производительность, просто нет шансов, с точки зрения конкуренции на Мировом глобальном рынке с товарами, продуктами, которые мы можем создавать, производить. Но, опять-таки, решив вопрос занятости населения, мы создадим среду и решим эту проблему.

Тюриков Александр: Спасибо большое, Андрей Михайлович, еще вопрос, пожалуйста.

Реплика из зала: Когда вы говорите – «мы», то вы кого субъекта понимаете?

Бирюков Андрей: Во-первых, я являюсь сопредседателем государством. Для меня не делимо в данной ситуации эта территория. Когда я говорю «мы», в отношении тех или иных работ - это широкая группа лиц энтузиастов, которые на протяжении десятилетий пытаются сформировать новую повестку и новый сценарий развития страны. Там много разных людей, при этом, многие из них встречаются, многие обмениваются информацией через публикацию своей информации. Кто-то из этих людей просто собирает это в единую концепцию, для того чтобы предложить уже комплексное решение.

Тюриков Александр: Спасибо большое, Андрей Михайлович. Я хочу предоставить слово профессору Александровой Ольге Аркадьевне, заместителю директора Академического института, который сегодня мы здесь презентовали. Хочу презентовать тему, которая уже была сброшена в нашу пленарку - это пенсионная реформа. Мы уже слышали разные оценочные суждения сегодня со сцены, со стороны господина Кириенко. О правильности и о неправильности решений. Самое главное – незаметно мы де-юре и де-факто ввели категорию «предпенсионеры», причем как-то так достаточно жестко. Поэтому будут, мне кажется, интересные сообщения у Ольги Аркадьевны – а как мы собираемся их трудоустроить – тех, кого мы решили назвать «предпенсионеры». Ольга Аркадьевна, вам слово.

Модератор: Коллеги, правильно сегодня вспомнил и сказал Александр Георгиевич, что социологи – не есть социальные инженеры. Есть социальные инженеры, которые нуждаются в информации от социологов, если только они не заинтересованы (теперь уже я цитирую другого спикера с нашего пленарного заседания) в социологическом ботоксе. Но мы социологическим ботоксом стараемся не заниматься, а работаем социальными инженерами – предоставляем им объективную и надежную, с точки зрения методологии, информацию.

Я представлю вам два проекта, которые мы делали для социальных инженеров в лице Департамента занятости и соцзащиты г Москвы. Сразу скажу, что не успею уложиться, но ничего страшного. Поэтому ИСП «РАН» вы набираете в поисковике и выходите на сайт нашего института, там мы выкладываем полные тексты всех наших, в том числе и тех, которые я сейчас буду презентовать, монографий, полные тексты нашего журнала «Народонаселение», который является лидером по демографическому направлению. Все, что я не успею сказать, можно взять и прочитать на нашем сайте.

Эксперты приезжали и предупреждали нас в 2017 году о том, что, когда вы думаете о повышении пенсионного возраста, должна быть комплексная политика. Требуется увязывать повышение пенсионного возраста с системой социальной защиты в таких случаях, как безработица и постоянная потеря инвалидности. И важной является связка для двух проектов, о которых я буду говорить, что практика показывает и нам говорят эксперты, что увеличение пенсионного возраста дает всплеск роста инвалидности. Если мы не делаем того, что надо и не учитываем, то мы понимаем, что бедность среди таких лиц (предпенсионеров), фактически неизбежна.

Итак, 2 исследования 2017 года, на которые я опираюсь: 1. Проблема трудоустройства слабозащищенных слоев населения для Департамента занятости Правительства г Москвы. Здесь были разные группы, в том числе предпенсионеры. Методология исследования – массовый опрос среди тех, кто обратился в Службу занятости населения. Мы провели их во всех административных округах Москвы опросы в отделах службы занятости и экспертный опрос среди работников службы занятости, который был нам полезен. 2. Второе исследование уже 2018 года для того же заказчика. Это трудоустройство инвалидов на столичном рынке труда. Здесь вы уже видите разнообразный социологический инструментарий, массовый анкетный опрос. Надо сказать, что довольно уникальным было исследование. ТЗ сначала очень напрягло. Тогда нам сказали, что надо всех 8 нозологий и видов расстройств инвалидов, но мы напряглись и получили уникальную в этом смысле информацию. Экспертный опрос вы видите, с разных сторон

мы заходили. Контент-анализ материалов СМИ, что тоже очень важно в этом случае; что транслирует СМИ, какое отношение они формируют и анализ успешных практик.

Надо сказать, что мы сразу поняли, что надо теперь. Я специально показала я первое исследование, что предпенсионеры – это четверть из тех, кто случайно попал в нашу выборку, которая была случайным образом. При этом, большая доля мужчин. Что важно, в среднем, это потом будет иметь отношение к тому, насколько они готовы переучиваться или заниматься, как говорит Герман Греф, дауншифтингом, с точки зрения своей профессии, профессионально статуса и содержания своего труда.

Вы видите трудовой стаж очень большой. Это люди с серьезными производственными навыками. Кроме прочего, 25% имеют среднее и начальное профессиональное образование. Они как будто бы востребованы, но надо всегда понимать – нас часто различают, как будто есть востребованность и в то же время большой вопрос, есть ли она. Привожу пример, забегаю вперед. У нас было другое крупное исследование – «Трудовой потенциал, как объект стратегического планирования». В рамках Московского экономического форма в прошлом году мы вместе организовывали, выступал Сергей Николаевич Чугунков, председатель городской организации Профсоюза работников авиастроительной промышленности. Он рассказал, как, во-первых, из Москвы выводятся крупные авиастроительные предприятия. И, между прочим, при всех разговорах о том, что не хватает специалистов, есть тренд на увольнение работников более старших возрастов. Как будто бы они нужны, но и не очень.

Здесь вы видите, какие есть вакансии, насколько они соответствуют специальности, как оценивается зарплата, которую предлагает Служба занятости населения. Как вы видите, зарплаты не такие уж аппетитные, высокие у наших предпенсионеров московских. И что важно для них в работе – зарплата, близость к дому и соответствие специальности. Мы обнаружили, что даже на таком емком и развитом рынке труда, как Москва, видим, что наиболее тяжело устраиваемой группой населения являются лица предпенсионного возраста, работодатели не хотят брать работников в этих нишах. В книгах мы даем качественный метод, наиболее яркие фрагменты интервью. Первыми как раз являются кандидаты на выход, на эту причину указали, именно свой возраст они видят причиной того, что работодатели не хотят их брать на работу. И надо сказать, очень важный момент, потому что наши социальные инженеры нам говорят, что выделяют 1 млрд рублей на переобучение, переподготовку. Но выясняется - далеко не все, я потом покажу почему, готовы идти учиться. Потому что, как будет сказано дальше, некоторые полагают, что у них достаточно уже образования, другим не хватает здоровья, а третьи считают, что учись-не учись - работы все равно не найдешь.

Как нам говорили, Служба занятости готова переучивать, но по узкому кругу специальностей. Как нам говорили сами работники службы занятости: «Ну, выучим мы бухгалтерскую программу 1С, а сейчас всех сокращают бухгалтеров. И тем более, скоро их не будет вовсе».

Переходя к нашему второму исследованию. Сразу хочу сказать, что обычно проблемой являются рекомендации, их конкретность, практикоориентированность. Но когда заказчик говорит, что нам не нужно исследование без практикоориентированных рекомендаций, надо сказать, в этой книге на 22 страницах рекомендации. Скажу вам, как они организованы, на разного уровня социального инженера, находящемся на разном уровне государственного управления.

Почему я такое имею право бросать мостик? Вы понимаете, что с возрастом растет инвалидизация. Сразу показываю, почему мы выделили 3 группы – пенсионер, предпенсионеры и контрольная группа. Это третья группа инвалидности в Москве. Мы говорим социальным инженерам из года в год: нельзя у инвалидов 3 группы снимать городскую надбавку. Это резко отваживает их от желания работать по-белому. Не такие это и большие деньги, если хочется решить сразу несколько проблем – и трудоустроить, и перестать им платить пособие по безработице, и субсидию по ЖКХ, и вывести из теневой сферы. И вроде бы надо это сделать. Социологи говорят, а инженеры социальные пока не слышат. Но кое в чем слышат.

Это действительно старшие возрастные группы. Понятно, какие болезни приводят к инвалидности – гастриты, сердечно-сосудистые и так далее. Уровень образования достаточно высокий. «Планируете?» - «Не планируем». – «Почему?» Потому что ему достаточен уровень образования, либо нет желания учиться, либо учиться не позволяет здоровье. При этом, если посмотреть на брачный статус и членов семьи, мы видим женщины чаще одиночки. У кого-то есть иждивенцы. При этом, по шкале ВЦИОМ мы видим, что люди были бы заинтересованы в работе.

Перехожу к выводам. Будет большая презентация, путеводитель по нашим рекомендациям. Это в доступе на сайте ВЦИОМ. Но, как академический ученый, а не специалист по социальному (социологическому) ботоксу, я могу сказать, что главная социальная технология – это изменение структуры российской экономики, потому что наши исследования показывают, что если у вас доминируют высокотехнологичные наукоемкие отрасли, то тогда вам нужны работники, чей пик профессионализма наступает нескоро и которые как раз нужны. Если у вас торгово-посредническая, обучите молодого, выкинете, возьмете другого и так далее.

Если мы хотим по-крупному, надо отказаться от необоснованной оптимизации в социальной сфере. У нас сегодня вот так наш директор хороший пример. Взять молодую девочку, очень хорошую выпускницу, кстати, соцфак МГУ. Я ее присмотрела себе в аспиранты, когда сидела в гос. комиссии. Она готова у нас работать, при мизерной зарплате. А директор наш говорит: «Не знаю, что с нас будут больше требовать: дорожную карту по омоложению или дорожную карту по выполнению майских указов». И выполнение майских указов с выходом, оказалось важнее, чем взять молодую девочку. Дальше показываю схему наших рекомендаций в нашей книге – меры, имеющие общесистемный характер. Все в книге расшифровано. Мы обнаружили у работодателей кучу стереотипов, предрассудков, не имеющих отношения к жизни. Например, они все боятся взять инвалида, потому что его не уволить. Но нет – его можно уволить, почти как любого человека. Дальше снова показываю буквально анонс; так как у нас цифровая экономика, мы выяснили, что желание работать дистанционно и что мешает – даже в Москве качество интернета и его доступность для работы с точки зрения нормального трафика и стоимость не всем по карману.

Кто хочет, тот может взять несколько книг, заходите на сайт нашего института и там полные возьмете там все тексты.

Тюриков Александр: Спасибо большое. Для нас всех искусство за 8 минут изложить то, что я хотел бы сказать за 25. Давайте позволим Ольге Аркадьевне задать один вопрос, и Ольга Аркадьевна на вопросы в конце ответит.

Коллеги, эксперты схожи во мнении, что Россия в последние 25 лет нон-стоп проводит реформы, причем они идут внахлест – не успели завершить одну реформу, не подводя итоги, начинается другая. Причем, авторы предыдущей подвигают следующую и так далее. Но, мне кажется, наиболее эффективной реформой, но высоко негативной была реформа оптимизации и маршрутизации здравоохранения. Мы предрекали, что таким путем медицину от человека, от села, от города мы получим результаты.

Следующий докладчик - Доктор экономических наук, представитель академического института экономики РАН Чубарова Татьяна Владимировна.

Она покажет, каким образом государство уничтожая государственную медицину, мы позволили вырасти коммерческой медицине. Что же нам делать со своим здоровьем?

Чубарова Татьяна: Большое спасибо за предложение выступить. Я хочу напомнить, что мы должны помнить о матери всех наук – философии. У меня первый слайд – это известное высказывание Сократа, даже страшно подумать, кода оно было сделано: а воз и ныне там. Еще более интересен контекст этого высказывания: «Здоровье не все, но без здоровья ничего нет». Важен контекст, что если ты достаточно разумен, ты следует

позаботиться о своем здоровье. Но, как показывает история после Сократа, этот вопрос не так решается. Получается, что все-таки или человек не очень разумен, что все-таки не очень заботится о своем здоровье, или что-то происходит в обществе (вах), что не дает реализоваться потенциалу здоровья.

Я бы хотела сказать о концепции продвижения здоровья. Был задан вопрос о сравнительной социологии, бывают международные исследования, потому что разные люди могут вкладывать разные значения, разных национальностей и стран в одни и те же ответы. Концепции ВОЗ «Продвижение здоровья» - это не защита здоровья, не обеспечение, не пропаганда, а именно продвижение, то есть процесс, который должен помочь человеку подтолкнуть его к заботе о своем здоровье и работать на его улучшение. Было 9 конференций ВОЗ, в 2016 в Шанхае последняя была. Очень хороший лозунг – все для здоровья и здоровье для всех. Правильно тут было сказано, опять постоянно идут реформы, стало слово «реформирование» у нас использоваться. Какие ставятся задачи ставятся? Задачи достаточно просты – это обеспечение здоровой жизни как самостоятельной ценности; снижение затрат на здравоохранение, потому что здоровому нужно меньше медицинской помощи и лучше предотвратить, чем потом лечить. Это просто гражданская ценность, соблюдение прав граждан на достойную и свободную жизнь.

В этом контексте возникает одна очень серьезная проблема – несмотря на то, что стратегия продвижения здоровья направлена на общество, на популяцию, на население, то те методы, которые для этого используются, связаны с изменением индивидуального поведения. Здесь возникает очень серьезная проблема того, что охрана продвижения здоровья - это вопрос личный или политический: кто должен отвечать за здоровье человека. Сегодня идет борьба жесткая между двумя подходами: индивидуалистическим и коллективистским (структурным).

Индивидуалистический. В рамках либеральной экономики вполне укладывается идея: «Извините, господа, здоровье - это ваше дело, делайте с ним, что хотите и вообще не вмешивайте нас. Это ваша целевая ответственность. Если плохо едите и так далее - следите сами за своим здоровьем». Но даже стандартная экономика говорит о том, что в этом подходе есть что-то не то. Здесь есть две серьезные проблемы:

Первая. Как ваше здоровье влияет на общество, здесь же вакцинация – очень серьезная проблема. Весь мир ждут серьезные проблемы с эпидемиями, если так дело пойдет.

Вторая - тоже очень существенная проблема. Оказывается, и жизнь показывает, и практика, и исследования, что значительный вклад в формирование здоровья вносит социально-экономическая политическая среда и, соответственно, условия труда, доход,

свободное время, занятие спортом и доступ к медицинским услугам. Все эти факторы инфраструктуры очень часто не зависят от человека, и он не может на них влиять и это оказывает самое существенное воздействие на состояние его здоровья.

Но тут, как видите, очень интересно подходы-то совсем разные. Если возьмем индивидуалистический, то чем мы можем ограничиться? Это образовательные программы, реклама, например, социальный маркетинг. Но исследуете вы там что-то или нет - это ваше дело.

Коллективистский структурный подход для государства означает много проблем, и может поэтому, многие государства, и наша в том числе, не очень спешат его внедрять на практику. Это значит изменение всего того, о чем я говорю. Вячеслав говорил, что на фоне снижения доходов населения в течение 5 лет, можно поставить существенный вопрос – есть ли деньги у населения на то, чтобы вести достаточно дорогой здоровый образ жизни.

Соответственно, на мой взгляд, в итоге основная проблема в обеспечении здоровья на сегодня состоит в нахождении оптимального компромисса между этими факторами, поскольку мы действуем в рыночной парадигме. Мы не можем игнорировать первый подход и второй подход нужно внедрять в жизнь. И вот как решить эту задачу. Для нас актуальный вопрос. Вы видите, в национальном проекте стоят амбициозные задачи. Но для меня загадка пока, как вычислить 60 % нашего населения, которые будут вести здоровый образ жизни. Вот над этим как раз сейчас подумают, нам заказ дадут, будем тогда думать.

Теперь о здравоохранении очень коротко. Достаточно хорошо известные факты – идет коммерциализация здравоохранения, это очень маленькое финансирование, не сбываются надежды (кто внимательно прочитал послание президента – он говорил о росте расходов здравоохранения), хроническое недофинансирование и, самое страшное для нас – это рост платежей из кармана. ВОЗ считает это самой регрессионной формой. В чем проблема – даже если вы хорошо платите, население должно каким-то образом страховаться все равно, объединять риски на уровне работы, местных органов, но только не из кармана. Это самые несправедливые и регрессивные платежи. В итоге получается, что у нас практически в системе нет перераспределения, каждый начинает платить за себя. Это абсолютно несправедливая система здравоохранения, соответственно, богатые платят больше (есть такая статистика), но они это тратят за себя. И очень спорный вопрос оказания платных услуг в государственных учреждениях здравоохранения, я противник этого явления по разным видам, об этом много написано. Это тоже очень сложный для человека момент, который он переживает в системе здравоохранения. Когда вы приходите

в бесплатную поликлинику, а оказывается там надо платить. И конечно, по принципу дохода отмечаются ограничения в доступе. Говорилось уже сегодня, что мы настолько разные, что частная медицина кому-то хороша, каким-то группам населения она очень даже мила. Но мы говорим, я согласна с общенациональным подходом, мы должны думать о большинстве населения, а данные показывают, что есть структурные проблемы в доступе населения к здравоохранению. В итоге, у нас почти сформировалось уже двухступенчатая система – кто платит - тот заказывает музыку, а кто не платит – довольствуется бесплатной. Причем, очень интересная у нас логика.

Я как-то ехала с таксистом и говорю: «Ч надо в России, чтобы жить хорошо?» Нужны деньги. На Западе другая парадигма и надо ее воспринимать – надо, чтобы среднему человеку хорошо жить. Соответственно, вот эта доля «личные расходы из кармана» в текущих расходах на здравоохранение составляет, по сравнительным данным, 36%.

И последнее, что хотелось бы сказать – не очень радужна перспектива по поводу возможности продвижения здоровья в условиях коммерциализации здравоохранения. Сейчас очень модна поведенческая экономика (я представляю все-таки экономические науки) и идея подталкивания такая, что надо создавать (нобелевскую премию она получила, спорить не буду, хотя и не совсем согласна), надо менять условия жизни, в соответствии с психологией человека. В частности, по пенсиям считается, что если ты пришел на работу, прощай человека сразу включить в систему пенсионную на работе, ему так прощай потом сделать выбор и он потом будет думать, надо ему это или нет.

Здесь я предлагаю 4 метафоры, как выяснилось, и считаю, что они лучше ботокса. Они связаны с мотивацией. Имейте в виду, есть еще отрицательная мотивация, на Западе она тоже развита - если ты не соблюдаешь указания врача, то тебе может быть оказана медицинская помощь за общественные средства. В частную - за свой счет иди. А в общественные, будь добр, соблюдай рекомендации врача.

На последнем слайде – парадоксальная ситуация Росстата. Здоровье отмечается, как важнейшая ценность. Все отмечают важность здоровья. Но когда спросили, кто занимается физкультурой и спортом, которую они же считают важными для укрепления здоровья, выяснилось, что им занимается 27% с разными вариациями; туризмом - около 13%. Получается замкнутый круг. Из тех, кто имеет низкие доходы, 43% говорят, что не занимаются, потому что у них плохое здоровье. Эти парадоксы, иррациональность неимущих - представлены в этих слайдах.

Мы вроде бы знаем, что надо, но мало кто следует этим рекомендациям. С одной стороны, разговоры о здоровом образе жизни, а с другой стороны – я хожу к подруге пешком до Павелецкого вокзала, пешком до ее дома, закрылись все магазины, открылись табак и

алкоголь. С одной стороны, разговоры о здоровом образе жизни, с другой стороны, я стала наблюдать - обратите внимание, это не только на этой улице происходит. Вечером деньги – утром стулья. Конечно, вы сейчас должны заниматься спортом и тратить какие-то деньги, а доживете ли вы до какого-то следующего периода; а зачем это надо – буду жить как хочу. И конечно, привычка свыше нам не дана, но очень хочется, чтобы она не была заменой счастья.

Модератор: Коллеги, спасибо большое Татьяне Владимировне, которая мне хочется сказать, сейчас явила блестящий образчик советской российской академической науки, которая жива, несмотря на то, что в течение пяти лет ее очень тщательно убывают.

Коллеги, сейчас я попрошу представить свой доклад Минакову Юлию Сергеевну. Я рада это представить нашему Институту народонаселения. Она была координатором и душой нашего проекта трудоустройства инвалидов. И хочу сказать про эту разнонаправленность в потоке, пока Юлия Сергеевна открывает. Действительно, мне тут пришлось быть дважды на мероприятиях, посвященных грядущему индивидуальному пенсионному капиталу, который, как вы знаете, Минфин и Центробанк хотят внедрить. И я говорю, понимаете, даже если взять этого Тайлера, Нобелевского лауреата с его подталкиванием, у нас подталкивают в разные стороны. С одной стороны, вот так, проведя пенсионную реформу, подталкивают, что больше не надо надеяться совсем уж окончательно на государство, спасайтесь, кто как может! Но с другой стороны, показывают, что и накопительный путь абсолютно ненадежен, понимаете? Вот в чем проблема. Поэтому где мы не столкнулись, как исследователи социальной политики, мы всюду видим вот эти противоречия. Но, может быть, их можно разрешить, и Юлия Сергеевна нам что-нибудь расскажет.

Ненахова Юлия: Добрый день, уважаемые коллеги! Я расскажу про еще одну уязвимую категорию, людей с инвалидностью. Вот коллега говорила о детях с инвалидностью, семьях с детьми-инвалидами, а я буду говорить об инвалидах в трудоспособном возрасте. И, собственно, продолжу рассказывать про наше исследование, которое мы с Ольгой Аркадьевной и с коллегами по институту проводили.

Проблема не нова, проблема остра до сих пор. В 2012 году Россия ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, и в соответствии с этой Конвенцией России приходится отчитываться через год, через пять лет. То есть, соответствующие обязательства на нее налагаются. И в 2016 году наблюдается идентификация все-таки управленческих решений в отношении трудоустройства людей с инвалидностью и повышения качества их жизни. Сегодня формируется государственная задача модернизации системы трудоустройства инвалидов. Допустим, в 2017 году министр труда Максим Топилин сказал о том, что

поставил задачу повысить уровень трудоустройства людей с инвалидностью в трудоспособном возрасте до 50%, сейчас - это менее 20%, 2020 год – это уже, соответственно, через год. Можете сравнить уровень занятости среди инвалидов по разным странам по состоянию на 2012 год: в Австралии, Германии - это больше 50%, в России - это 17,2% на тот момент. И, соответственно, три проекта, которые мы делаем в 2017-2018 годах, о двух из них Ольга Аркадьевна уже рассказывала. Это проект, который в прошлом году мы делали, «Трудоустройство инвалидов в городе Москве, проблемы и пути решения», и здесь были представлены установки и ожидания всех основных участников трудовых отношений и отношений в процессе поиска работы. То есть был проведен массовый опрос инвалидов, были проведены серии интервью с четырьмя группами экспертов, экспертный опрос. Это и руководители общества инвалидов, представители учреждений профобразования, представители негосударственных посреднических структур (рекрутинговые агентства), общества инвалидов, которые занимаются трудоустройством и так далее, и экспертный опрос-интервью работодателей. Представителей службы занятости населения мы опрашивали тоже, годом раньше.

Второй проект – это «Методология эстетического анализа, оценки и прогнозирование положения инвалидов на рынке труда». Там тоже выяснились интересные данные, интересные особенности. И третий проект – это 2013 года проект, о нем тоже Ольга Аркадьевна рассказывала. Но здесь я хочу сказать, что в нем методом вторичного анализа мы просто анализировали данные с интервью с представителями Службы занятости населения. Собственно, основная такая идея – в ходе исследования выяснилось, что, с одной стороны, инвалиды готовы, хотят, нуждаются в работе, а, с другой стороны, работодатели тоже говорят, что они хотят, и не только хотят, но и прикладывают определенные усилия, ищут инвалидов, обращаются в образовательные учреждения, создают советы бизнеса, чтобы решить проблему трудоустройства инвалидов. Но почему-то вот эта встреча не происходит. Почему?

В любом случае, мы говорим о том, что все-таки в центре нашего внимания – принятие решений в сфере труда и занятости и со стороны инвалидов, и со стороны работодателей. Это решение основывается, в том числе, на оценке издержек и выгод, которые получают. И, соответственно, с одной стороны, оцениваются трансформационные издержки. То есть, насколько инвалид эффективен по сравнению с обычным работником и так далее. Это те издержки, которые осуществляются в процессе производства, внутри организации. А с другой стороны, как новая институциональная теория говорит, очень красноречиво показывая сложившуюся ситуацию у нас в России, что помимо трансформационных существуют еще и транзакционные издержки. То есть, это издержки рынка. Они

возникают на этапе, когда покупатель и продавец ищут друг друга. В силу того, что недостаточно информации друг о друге, о возможностях, потребностях и так далее, большие временные затраты на рынке труда. И вот эти транзакционные издержки призван понизить институт посредничества, который выступит посредником между инвалидом и работодателем. И вот институт посредничества представлен в нашей стране государственными институтами и негосударственными институтами. То есть, это государственная служба занятости, бюро медико-социальной экспертизы, которое, в том числе, дает трудовые рекомендации, государственная система образования и так далее. И негосударственные институты, общественные организации инвалидов, которые оказывают содействие в трудоустройстве, рекрутинговые агентства всевозможные и так далее.

Таким образом, мы исследовали характеристики пяти элементов: характеристики людей с инвалидностью, их потребности и возможности, характеристики работодателей, потребности и возможности, характеристики института посредничества – это характеристики доступности и дружелюбности среды.

Начнем с инвалидов, потребности инвалидов. Что первое выяснилось? Что существует все-таки низкая мотивация инвалидов к трудоустройству. Первое, о чем говорили практически все эксперты, это же показали результаты опроса, что у инвалидов сохраняется иждивенческая позиция. К сожалению, близкие и сами инвалиды воспринимают саму по себе инвалидность человека как «индальгенцию от всего», здесь цитата приведена.

Второе – это то, что инвалидам свойственна большая пассивность, чем людям без инвалидности, сохраняется распространенность стереотипов о том, что трудоустройство не будет успешным. Отсутствует выстроенная стратегия, проблемы с целеполаганием в отношении реализации себя в трудовой деятельности. И все это возможно устранить, снизить напряженность при помощи как раз этих посреднических институтов, в том числе государственной службы занятости и негосударственных. При этом сохраняется относительно высокий уровень социального обеспечения в городе Москве по отношению к инвалидам, и, соответственно, в таком случае возникает вопрос: а стоит ли акцентировать внимание, в принципе, на работе с трудоустройством инвалидов? Возможно, надо оставить все, как есть, и сконцентрироваться на том, чтобы материальное обеспечение повышать просто. У нас был такой вопрос, «Как бы вы оценили свой уровень благосостояния?» в рамках массового опроса, и выяснилось, что по методологии ВЦИОМ доля бедных среди инвалидов, участвовавших в опросе, составила 83%. То есть, субъективно 83% оценили себя как бедные.

С другой стороны, 87% либо работают уже, либо хотят работать при определенных условиях стали бы работать. Один из основных демотивирующих факторов при этом, как выяснилось – снятие городской надбавки к пенсии при трудоустройстве инвалида III группы. И нам об этом говорили, что, к сожалению, снятие этой надбавки демотивирует в принципе к трудоустройству, с другой стороны, стимулирует инвалида к теневой занятости. Помимо низкой мотивации – это еще завышенные ожидания относительно оплаты труда, заниженные ожидания относительно условий труда и ожидания относительно высоких рисков, связанных с трудоустройством.

С другой стороны, возможности инвалидов. К сожалению, наблюдается вот на этой характеристике трудового потенциала все-таки наблюдается снижение качества образовательного потенциала инвалида, соответственно, снижение качества трудового потенциала инвалида в результате действия реформы образования. В частности, это объясняется введением инклюзии без обеспечения соответствующими ресурсами, без введения институтов тьюторства, допустим. Это закрытие специализированных школ, это объединение образовательных учреждений, сокращение штата сотрудников в образовательных учреждениях, сокращение выпуска педагогов, которые специализируются на преподавании на языке жестов и так далее.

Второе – это недостаточная доступность образовательных учреждений для инвалидов и подготовка по специальностям, не востребованным на рынке труда, когда образование само по себе воспринимается как демпфер, а не как трамплин для того, чтобы удержать инвалидов как можно дольше в социуме, потому что как только инвалид заканчивает свое пребывание в системе образования, к сожалению, его жизнь сужается до размеров семьи. И что нам говорят про результаты реформы образования наши респонденты, говорят о том, что школы в Москве объединяли, и школы глухих присоединили к крупному образовательному комплексу. И директор принял решение объединить глухих с детьми с другими проблемами со здоровьем.

Что касается работодателей - это, опять же, низкая мотивация, которая обуславливается рядом причин, в том числе экономических, потому что до сих пор у многих предприятий был узкий горизонт планирования. По результатам исследований, которые мы проводили в 2007 году, про трудовой потенциал как объект стратегического планирования, нам даже в авиапромышленности говорили, что это нестабильно повлияет на экономическое положение предприятия. С другой стороны, существует система квотирования рабочих мест для инвалидов, и вот нам говорят респонденты о том, что она тоже не работает в должной мере, потому что размер штрафа за незаполненные места по квоте для инвалидов ниже, чем затраты на поиск инвалида и упущенные выгоды в случае его трудоустройства.

И, собственно, еще один такой важный момент – это о том, что сведение проблемы к недостаточной дружелюбности общества по отношению к инвалидам – это ошибка, потому что, как показали результаты опроса... Было два вопроса: «Как в вашем трудовом коллективе относятся к работникам, имеющим инвалидность?» и «Как руководство вашего трудового коллектива относится к работникам, имеющим инвалидность?» 74% сказал «как ко всем», и 69% соответственно, и 19% и 16% сказал «с пониманием», только 7% и 15% сказали, что неприязненно.

Наиболее распространенные практики со стороны работодателей по отношению к инвалидам, одни из негативных – предпочитают заплатить штраф, нежели искать работника с инвалидностью, предлагают неофициальное трудоустройство с сопутствующими ему рисками, создают специальные предприятия для инвалидов, чтобы получить поддержку от государства и прекратить свою деятельность, о чем нам тоже неоднократно говорили, такие предприятия в Москве создаются.

И, таким образом, возникает недостаток информации у работодателя относительно возможностей и потребностей инвалидов, возникает недостаток информации у работника относительно возможностей и потребностей работодателей. И вот эту вот ситуацию может выправить как раз институт посредничества. Но в нем тоже есть свои проблемы...

Модератор: Презентация также будет выложена, в книге все полные тексты выложены, так что если что-то вы недорассказали... Нам хочется, конечно, но время...

Ненахова Юлия: Рекомендации, да, у нас там есть конкретные рекомендации по каждому направлению. Допустим, повышение эффективности института медико-социальной экспертизы, про которую нам в ходе опроса сказали и про индивидуальную программу реабилитации инвалидов, в которой прописываются как раз трудовые рекомендации, она никак не влияет на трудоустройство инвалидов. И 27%, то есть, практически треть, говорят о том, что осложняет трудоустройство инвалидов эта индивидуальная программа реабилитации. И одна из основных проблем – это недостаточная эффективность существующих каналов поиска, которые тоже предлагают государственные системы.

Модератор: Спасибо. Юлия Сергеевна, спасибо еще раз.

Ненахова Юлия: А можно вопрос? Безусловно, у нас категория инвалидов очень сложная с точки зрения, прежде всего, масштабности, это более 10%, а с другой стороны, попытки государства нон-стоп, вроде бы, решать эту проблему, а она до сих пор не решена. У меня вопрос следующего плана: если бизнес спрашивают: «Что сделать, чтобы бизнес развивался?», бизнес всегда государству отвечает: «Вы, главное, нам не мешайте». А что результаты исследования показали, вот реально, что вот эта сложная, незащищенная

гуманитарная категория, что она бы хотела? Если помогать, то в чем? Дать возможность-удочку или все-таки кормить рыбой?

Ненахова Юлия.: Что бы она хотела – работать или просто на пособии, да?

Тюриков Александр: Ну вот какие ожидания у этой категории от посредников, собственно от общества? От близких, от государства, от муниципальных органов и так далее.

Ненахова Юлия: Как я уже сказала, у нас есть прямо ряд рекомендаций, они касаются повышения эффективности деятельности различных сторон вот этой всей системы, в том числе повышение мотивации людей с инвалидностью. Потому что, в частности, даже родители людей с инвалидностью зачастую определяют негативную роль пассивного члена домохозяйства для человека с инвалидностью, и это не способствует тому, чтобы человек выходил в социум и искал работу. Допустим, оптимизация системы образования, о чем я тоже говорила. Координация системы «бизнес-образовательные учреждения», тоже здесь целый как бы комплекс.

Модератор: Спасибо, Юлия Сергеевна. Пока я загружаю последнюю презентацию, дальше мы перейдем к участникам дискуссии, заявленным в программе. Если получится, мы еще что-то, может быть, оставим на общее... Пока идет Елена Викторовна Кочкина выступать, я бы хотела сказать... Действительно, смотрите, какое противоречие: крупные компании, как Юлия Сергеевна сказала, что бывает, что работодатели хотят, и инвалиды хотят. Работодатели, которые хотят – это крупные фирмы, которые могут трудоустроить довольно много инвалидов. Им это нужно для чего? Потому что это у них корпоративная и социальная ответственность. Это у них финансовая отчетность, которая становится обязательной, им нужны инвалиды. Но, конечно, им было бы хорошо иметь инвалидов III группы, с ними меньше хлопот! Но инвалиды III группы, они из-за вот этой вот надбавки нередко не решаются идти. Потому что те заболевания, о которых мы с вами говорим, они такие – сегодня он себя нормально чувствует, сердечник или онкологический больной, а завтра нет. И он боится потерять эту надбавку из-за нестабильной занятости. И мы здесь прописываем даже какие-то детали, снять пособие, если человек, допустим, больше года работал и видна какая-то перспектива. Или уменьшать это пособие в зависимости от того, какую долю составляет его зарплата. Тут есть возможности, социологи их подсказывают. И второе, на вопрос Александра Георгиевича: например, так называемые ментальники с проблемами психики и так далее – на самом деле, многие хотят работать, но это самые трудно трудоустраиваемые инвалиды. При этом я должна сказать: иногда слушать то ли социологов, то ли зарубежный опыт... Сопровождаемое трудоустройство, теперь появился такой институт в законодательстве. И мы, и нам были очень благодарны в

Департаменте занятости за это, мы вынули из качественных исследований, из интервью с негосударственными структурами по трудоустройству, в том числе, инвалидов, вынули все, что касается сопровождаемого трудоустройства. Потому что они это уже практикуют, а государственные службы этого не практикуют. И мы им прямо, конкретно, пошагово дали рекомендации, как работать с такими ментальными инвалидами при их трудоустройстве. Елена Викторовна, теперь вам слово.

Кочкина Елена: Добрый день. Не представляю, как вы продолжаете находиться в состоянии сидения, я уже просто не могу. Забыла немножко речевку, которую делают по охране труда, но постараюсь сократить до минимума. Просилась даже не выступать, потому что в каком-то смысле я пытаюсь быть оптимистом, но когда берешь один индикатор и смотришь, как он меняется 30 лет, и еще сравнишь, например, с данными 100 лет назад, нужно все-таки смотреть правде глаза. Академик Струмилин тогда придумал, в начале XX века, как сделать индустриализацию отдельно взятой страны. Просто взяли, открыли детские группы, а там, где детских садов еще не построили, были комнаты по присмотру за ребенком. И вот тут, когда у нас в 2012 году была дилемма, что мы будем делать, завозить китайцев или все-таки рожать сами в условиях сокращения женского репродуктивного возраста в 2 раза. Вот сегодня как раз, все девушки, которые здесь сидят, если все пойдут и закончат институт и тут же родят, то работать тогда некому будет.

И, значит, у нас с 2012 года был майский президентский указ, все помним хорошо. Там в разделе «Демография» было написано, что нужно переобучить женщин, которые родили, чтобы они быстренько вернулись на интенсивный рынок труда, и наша производительность труда тогда совсем уж не будет падать. Посмотрим, что у нас произошло. С 2012 года на сегодняшний день прошло сколько? 6 лет. Вот у нас на 2018 год количество деток. Каждый год у нас рождается в России порядка 1 миллиона, вот сейчас уже будет меньше миллиона деток... Рождается, скажем, 1 миллион 300 деток. Соответственно, мы смотрим, первый показатель у нас – 2000 деток до года только ходят в ясельные группы, их фактически нет. И детки у нас слабенькие, у многих иммунная система к году еще не сформировалась. Как правило, все-таки в ясельные группы их не отдают. До года у нас ходит 151 тысяча деток, и вот уже до 2 лет 937 тысяч. Соответственно, все матери, которые родили почти 4 миллиона, это я округляю, вот из них 3 миллиона сидят дома или с частными нянями, а 1 миллион вот попал в ясли. Когда была битва в 2012 году за показатели в дошкольном воспитании, я сама лично писала, как эксперт, что надо все-таки ясельные группы включать. Есть такие женщины, которые готовы выходить через 6 месяцев [на работу], есть здоровые детки, у них нет бабушек, в мегаполисе не все бабушки соглашаются... И тогда это было не очень хорошо услышано,

но, кстати, с 2010 года политика по переобучению, труду и занятости у нас ушла... Сначала 83 субъекта, потом количество субъектов меняется, но бюджет региональный. Соответственно, мы ожидали, что будет происходить в течение следующих 5 лет, 2012-2017 год. Вот шел 2018 год, у нас получилось, что за 2016 год у нас есть данные о 16-18 тысячах женщин, за 2017 год – 17 тысячах женщин, а за 2018 год – 18 тысяч женщин. И я тогда думаю: «Какая же у нас целевая группа охвата?» Вы все социологи и экономисты, вы знаете, я даже взяла только вот этот наш любимый «блинчик», только слева написала, например, матерей, которые родили ребенка, которому сейчас 2 года, а вот тут – до 3 лет. То есть, я даже не стала брать тех, кому еще года не исполнилось. И вот что у меня получилось: 18 тысяч на 2,6 миллиона женщин у нас прошли переобучение, это 1%. Вот мы его видим.

При этом я обращаю внимание, что нормативно-правовое обеспечение было полностью подготовлено, у нас было постановление правительства, у нас было распоряжение. Но там не было целевых показателей, индикаторов, что мы всегда критиковали. Вы не можете получить результат, если вы не знаете, какое у вас целеполагание. Но пока я делала эту презентацию, мы выступаем, пишем рекомендации в разные органы власти в Москве... Если мы будем считать, то по факту, на всю Россию это 0,5%, даже не единичка. По Москве уникальные данные, по Москве у нас обучено в 2018 году почти тысяча женщин. А рожают в Москве где-то 133 тысячи, будет считать, что 400 москвичек... И тысячу обучили, тогда целых 4%. Это, можно сказать, экстремальное государственное управление, и если кто-нибудь зайдет на программу, у нас в мае прошлого года был супер указ президентский, там эта тема выделена в отдельный федеральный проект, «Содействие занятости женщин». И там на 200 страниц, я не поленилась, распечатала... Вот, расписано, что будет происходить в следующую пятилетку. Очень интересно. Критиковали 5 лет. Субъект, заказчик созрел. Все понимают, китайцы близко, детей мало, женщин еще меньше, что-то надо делать. Расписали на 85 субъектов, разложили на 2020-2024 год все точно, расписали по количеству женщин в составе занятых, имеющих детей в возрасте до 3 лет. У нас там 64% женщин, оказывается, работают в этой категории. Увеличиваем по годам, по субъектам федерации... То есть, если строить слайд-шоу... Я не знаю, это надо читать спецкурс уже, потому что там очень все сложно.

А теперь маленькая ремарка: большая новость на 8 марта в ТАСС: Минтруд сообщает, что более 11 миллиардов рублей будет потрачено на обучение матерей в 2020-2024 годах. Я считаю, всего будет обучено 120... 230 женщин. То есть, если мы опять вернемся... Предположим, 3,5 миллиона женщин у нас рожают. Из них обучают 230 тысяч женщин за 5 лет, то есть, 50 тысяч в год. Тогда у нас что? Будет рост с 0,5% до 1%. Соответственно,

если я гендерный социолог, то я должна стрелку нарисовать в чудесной нашей управленческой модели. Если я – экономист, который рассчитывает отдачу от вложений, то я должна сказать, что здесь мы вообще обсуждаем пилотаж для отдельной ОНО, потому что бюджет на 40 миллионов на отдельно взятый регион – это даже не ГБУ, это нельзя назвать региональной программой содействия занятости. Тогда что же мы сделали, что же мы утвердили под названием «Паспорт федерального проекта»? На мой взгляд, мы какую народно-хозяйственную задачу мы решаем? В этой части я оптимист. Я считаю, что мы выстроили блестящий маркер, сможет ли в условиях неработающих межбюджетных отношений, бюджетной необеспеченности регионов вся структура, все губернаторы и все федеральные органы власти выполнить эти показатели, рассчитанные по годам, женщинам, детям, процентам – то есть, и в абсолютных единицах, и в процентах – и уверяю вас, сможет. И, собственно говоря, единственное, что я бы предложила – переименовать паспорт федерального проекта под маркеры всей управленческой вертикали. Спасибо.

Ведущий: Спасибо, Елена Викторовна. Как-то вы то за здоровье, то не очень... Но, в любом случае, было бы обидно, если бы вы нам все это не рассказали. На самом деле, сейчас касается другого, федеральной программы и национальных проектов. Мне очень понравилось, как академик Кашин, математик из Института математики имени Стеклова и заодно председатель Общественного движения за возрождение отечественной науки и образования, он, побывав на рабочей группе по нацпроектам нашим новым, он такую зарисовку сделал. Не знаю, молодежь читает еще «Незнайку», но люди нашего поколения про Незнайку читали. И он говорил о том, какой мизер дали на науку, это вообще такие же доли процента и так далее. Но губернаторы на этот счет не переживали, говорят: «Все хорошо, мы можем выполнить по науке, по культуре, еще по чему-то». И он вспомнил «Незнайку», когда Незнайка решил заделаться художником, всем очень нравились его художества до того момента, пока не доходило дело до портрета очередного коротышки. И вот точно так же вот эта сфера, отрасль, на которую направлен нацпроект, она себя чувствует вот этим коротышкой, которому нравятся все нацпроекты, кроме своего собственного.

Коллеги, теперь мы с вами переходим к следующей части нашей секции, у нас есть участники дискуссии, я буду называть, и вы будете говорить, есть ли у вас желание какую-то реплику или небольшое выступление...

Халявкин Александр: В прошлом году участники дискуссии тоже выставляли презентации. Поскольку в этом году их не было, кто заинтересуется, может по

прошлогодней «Груше» посмотреть мою фамилию в секции Римского... Я номера не помню, но там есть он.

Значит, поскольку я не знал, что мне дадут больше времени, я себе приготовил шпаргалку ровно на 4 минуты. Я ее просто зачитаю. Сообщение посвящено роли социальной инженерии в реализации возможности значительного роста продолжительности жизни. Зачем биogerонтолог, который изучает механизмы и причины старения, пришел на социологическую конференцию? Потому что уверен, что мяч на вашей стороне. Мы со своей стороны почти все сделали. То есть, мы можем увеличить продолжительность жизни не до 80 лет, как заказал нам Президент, в 2025 году или 2026, на 11% в среднем, а на 800%. Но пока я к вам ехал, я читал свежую газету научную, (01:33:01) за двенадцатое, и там такая фраза: «Избавиться от болезней – замечательная перспектива, но про болезни мы вспоминаем не так часто (пока сами не заболеем), а исключительное долголетие и, тем более, бессмертие...» - о бессмертии я не говорю, я говорю о нестарении, но близко. «... Тем более, бессмертие – вообще сомнительная перспектива. Как для всех граждан, что грозит перенаселенностью, так и для избранных, что цементирует существующую систему, в том числе и политическую». То есть, вы поймите, если бы таблетка от старости была, то всегда будет перенаселение. Хотя это социальная проблема, можно снизить рождаемость и перенаселенности не будет. То есть, выходить замуж не в 25 лет или в 20, не дай Бог, а, скажем, в 250 или в 300. Если ты биологически такой же человек, то тебе это не грозит. Но это я вот немножко забежал вперед.

Дело в том, что вы конкретно занимаетесь сейчас проблемами, которые не горят – инвалиды, пенсии и так далее. Если человек не будет стареть, то пенсии по старости не полагаются. Инвалиды будут, но их будет незначительный процент, по сравнению со всеми здоровыми. Давайте я быстренько дочитаю, я сказал, что ссылка есть на прошлогоднюю, кто хочет, посмотрит презентацию.

Основное препятствие на пути к осуществлению этой возможности видится не в проблемах медико-биологического характера, то, что я изучаю, в этой области достигнуты определенные успехи. Пришло понимание, что человек обладает огромным, но неиспользуемым потенциалом в самовосстановлении. Его реализация способна значительно увеличить среднюю и максимальную продолжительность жизни. Но инфраструктура и механизмы функционирования современных обществ не готовы к осуществлению такой возможности. Могут возникнуть разного рода гуманитарные риски, их надо предусмотреть и найти способы их избежать или снизить возможные негативные последствия до приемлемого уровня. Для этого социальные инженеры должны

сконструировать контуры будущих обществ, потому что наши – тупиковые, в которых органично функционировали бы долго живущие люди.

В развивающихся странах снижение смертности не сопровождается снижением рождаемости, что приводит к быстрому росту населения, демографическому взрыву, усугубляющему социальные, экономические, гуманитарные и иные проблемы. Замечу в скобках: всю жизнь я думал, что «золотой миллиард» - это буржуазная пропаганда, что есть страны «золотого миллиарда», а все остальные – это Третий мир и так далее. На самом деле, наши экологи и биологи, Тимофеев-Ресовский знаменитый, замначальника Центра академии наук, они подсчитали устойчивость биосферы, если все виды так будут функционировать, потому что человечество – это только один из множества видов. И выяснили, что для того, чтобы вся биосфера существовала в устойчивом положении, не так, чтобы экологические и другие кризисы, нужно всего полмиллиарда человек, максимум миллиард. Нас сейчас больше 7 миллиардов. Вы знаете, чтобы в Москве пробок не было, должно по улице ездить одновременно полмиллиона автомобилей, 500 тысяч. Тогда не бывает пробок при нормально погоде. В Москве зарегистрировано 4,5 миллиона. Как только начинают больше выезжать... То есть, это инфраструктурный проект, это не потому что мы не можем обеспечить всех автомобилями, мы можем, но тогда вы от подъезда не отъедете.

Продолжим. С другой стороны, невероятный рост ожидаемых сроков жизни новорожденных вкупе со снижением рождаемости привел к увеличению доли пожилого населения развитых стран. Продолжающийся расти сегмент нетрудоспособной части населения начинает угрожать социально-экономической устойчивости общества. Эти явления усугубляют системный кризис, который испытывает человечество, находясь в постоянной конкурентности. Проблемы, связанные с ростом продолжительности жизни и ростом населения общеизвестны, я не буду сейчас останавливаться. Поэтому реализация роста средних сроков жизни при осуществлении контроля над состоянием и значительного увеличения населения Земли требует известной осторожности, аккуратности и социальной ответственности. Например, такой продвинутый исследователь, как Илон Маск, лидирующий в космической отрасли, очень осторожен в плане развития и применения искусственного интеллекта. Он понимает ту пользу, которое способно предоставить человечеству использование искусственного интеллекта, но акцентирует наше внимание на возможных негативных последствиях этого применения. Основной императив подобного подхода – предвидеть, предусмотреть, и если нельзя избежать, то хотя бы минимизировать возможные негативные последствия. И это как нельзя актуально. Если вспомнить про Интернет, наряду с его несомненной пользой,

появилась киберпреступность, вирусные атаки и другое. Автомобиль без тормозов представляет собой опасность. Но даже если тормоза есть, но они не соответствуют мощности двигателя, то опасность сохраняется. Нельзя ездить на мощных мотоциклах, оснащенных тормозами от мопедов. Разработка двигателей повышенной мощности всегда сопровождается параллельно разработкой мощных тормозов.

То есть, разработка таблетки от старения должна сопровождаться реформированием общества. Я не буду сейчас говорить, это ваша уже епархия. Атомный реактор не запускают без системной мощной защиты от непредвиденных событий, например, без графитовых стержней, которые выдвигаются и в случае необходимости гасят неконтролируемую цепную реакцию в ядерном реакторе. Социальные инженеры должны сконструировать надежный «котел», параметры оптимального человеческого общества, и предусмотреть систему социальных «графитовых стержней» для минимизации возможного негатива, если что-то пойдет не так. И все это с учетом возможной реализации человеком своего потенциала, резкого увеличения активного долголетия из-за осуществления полного контроля над процессом старения, возможность которого все яснее вырисовывается. И вы поймите, не надо будет пенсий по старости, если человеку 80 лет, а он выглядит 25-летним, чувствуете? Надоело этим заниматься – у него аспирантские мозги, выпускника вуза, он может переобучиться, может за долгие годы... Но это, опять же, не моя (епархия). Именно такую задачу ставят биogerонтологи в моем лице, изучающие причины и механизмы естественного старения. Перед социологами и другими специалистами гуманитарного профиля, то есть, политологами, экономистами, философами, футурологами, юристами (потому что там другие законы должны быть), психологами (там другая психология должна быть). И то, что мы говорили о привычках, мы уже по этой стезе идем, и трудно на старости лет, вот я много знаю, чего надо делать, и не делаю по простой причине. Например, надо ложиться до половины одиннадцатого спать. Я, конечно, на дискотеки не хожу, но сижу до 3-5 часов, пишу, потому что надо срочно какие-то тезисы отправить, срочно какую-то статью... Нарушаю, за счет своего здоровья, естественно.

Вот я вам в двух словах сказал, что на самом деле... Причем пришел бы на моем месте другой геронтолог, он сказал бы: «Все это металлы, мы стареем по программе, у нас свободные радикалы...» Это все абсолютно неверно, потому что свободные радикалы – это такие же вещества, которые регулируют в нас жизненные процессы. Когда их мало – плохо, мы добавляем и становится хорошо. Когда их много – тоже плохо. Все должно быть в норме. Я, наверное, злоупотребил вашим вниманием, но, на самом деле, я говорю: вы должны знать параметры человеческого общества, что человек больше 25 лет может не

стоять, но он будет жить неограниченно долго. И это непонятно, потому что сейчас у нас понятно: развился, ясли, детский сад, школа, институт, аспирантура, докторантура, школа своя... Потом вышел на пенсию и похороны в Колонном зале, если повезет, допустим. Все конечно, понимаете? А если с 25 лет он перестает заниматься физически... Понимаете, где конечная точка? Вот тут надо продумать, тут надо какую-то восточную философию, я не знаю, что.

Образно говоря, таблетка от старения есть, но она пока засекречена, потому что нельзя ее давать людям. Это мое мнение, которое другие не поддерживают геронтологи, поэтому вы можете прочитать, что теломеры сокращаются, свободные радикалы... Теломеры сокращаются, есть теломерные разные фрагменты, которые надстраиваются.

Модератор: Спасибо, Александр Викторович. Я вспомнила анекдот гендерный. Как говорят про мужской пол, да? «Мальчик, юноша, молодой человек, мужчина, пожилой мужчина, старик». А как говорят про женщин? «Молодая женщина, молодая женщина, молодая женщина, старушка, умерла». Мы будем жить, насколько это возможно.

Коллеги, я сейчас передаю слово организаторам и хозяевам, можно сказать, конференции, которые предоставили нам всем возможность встретиться, и, мне кажется, содержательно пообщаться. Александр Георгиевич Тюрихов.

Тюриков Александр: Спасибо большое всем участникам сегодняшним, и безмолвным, и тем, кто позволил высказать свои мысли. Я поставил бы для себя сейчас два очень важных вопроса. Один вопрос навеял предыдущий коллега с нашей замечательной научной дисциплиной, связанной и с физикой, и с биологией и геронтологией. Что говорят сегодня ученые, занимающиеся медициной и связанные как раз с долголетием? Говорят, что существуют объективные факторы и свидетельства человечества, которое прожило долгую жизнь, о том, что чем старше живет человек, тем больше он попадает в воронку – прямо такой треугольник-воронку показывают – после 75 и пошел туда дальше, наступает зона риска вхождения – и они прямо какие-то страшные слова говорят – обязательного попадания в зону риска онкологии и сердечно-сосудистых заболеваний. Воронка вот такая. Если бы мы сейчас стали разговаривать с нашими коллегами-экономистами, которые должны были бы сказать: «А что нам делать теперь с точки зрения экономического поведения и с точки зрения деятельности экономических институтов общества и государства?» Получается, чем старше человек, тем больше государство, потому что это же обращение в медицину. Получается, чем человек старше, тем ближе он к зоне риска, а государство попадает в зону риска, потому что надо больше вкладывать средств в эту медицину. И это очень серьезный вопрос, как вызов, на который ответа сегодня мы даже не ищем. И, к сожалению, в обществе сформировано уже такое

устойчивое мнение, вот это старость. Списание человека уже будто пенсионного возраста. Старость не по возрасту, уже просто определено: «Вот это – старость». Но старость – это настолько расплывчатая категория, мы пытались сказать и о себе, и о других людях, которые в возрасте за 30 лет уже выглядят лучше, чем в 15 лет. Это сегодня проблема. И это проблема и для науки, потому что она дает достаточно противоречивые основания даже для принятия этих социоинженерных решений. Потому что социоинженерные решения – это проект, который должен быть выверен и реализован, как проект. А проект всегда решает некую уникальную задачу, которая не имеет способа разрешения в существующей системе управления.

Меня что тревожит уже, как исследователя-социолога? Когда мы начинаем в последнее время все больше цитировать Президента и говорить о реализации майских указов, нацпроектов, у меня такое прямо впечатление, что мы живем ради этих указов и нацпроектов. То есть, мы ради них живем, а некие указы помогают нам реализовывать жизненную стратегию. А из наших жизненных стратегий складывается вообще-то жизненная стратегия, извините, всей страны. И мы так же относимся к другой стороне, это к женщинам. И я тут другой вопрос поднимаю, и хотелось бы... Представляете, какой парадокс возник? У нас сегодня в рамках Финансового университета наши замечательные ученые, Галина Георгиевна Силласте, она занимается гендерными вопросами, является родоначальником всемирной гендерной социологии. Они сегодня готовят доклад всемирный, по сути дела, международный доклад о гендерном порядке. И вот очередное заседание экспертного совета, в составе которого гендерная диспропорция, мужчин там у нас двое, а пятнадцать человек – это женщины, это эксперты из разных областей, аппарат уполномоченные, ученые, бизнесмены. Разговор такой имел характер, который коррелирует с выступлением о молодых мамах. Вот государство сегодня через эти нацпроекты, через последнее послание Президента, уделяет внимание именно многодетным (матерям), так, как будто у нас сейчас формируется новый – если здесь есть многодетные, прошу на меня не обижаться, это высказывание я перевожу – формируем новый какой-то класс. Они говорят: «Мы начинаем проводить исследование, выясняется, что женщина, имеющая 12, 15 и более детей становится уже мини-господыней хозяйствующего субъекта, в котором она, потребляя ресурсы общества, в принципе, уже ничего сама не делает». А вот женщины-одиночки, семьи с одним ребенком, они у нас вообще выбиты из стратегического вектора развития страны.

И вот это второй вопрос. Действительно ли мы правильным движемся курсом, ориентируясь только на одну категорию? И третий вопрос, очень, мне кажется, важный. Незаметно для нас сменяется целая парадигма. Мы знаем, что любая научная парадигма

эффективно живет 25-30 лет, некое теоретическое обоснование того, как устроен мир и как он будет развиваться. Так, очень просто перевел, что такое парадигма. И долгое время мы с вами понимали, в том числе, поколение 30+, что лень, неработание, не назову это тунеядством, безусловно, занятие самим собой – это очень плохо. И вот сегодня смена парадигмы, и все больше и больше, проанализируйте, появляется научных статей, сообществ, уже не научных, а общественных объединений, которые говорят о том, что лень – это вообще-то хорошо. Лень – это, оказывается, хорошо, потому что организм самовосстанавливается. И, самое главное, сегодня говорят, что мы вступаем, в связи с роботизацией, что у нас будут функции забирать... Вот как мы сегодня в машину залезаем? Раньше надо было в капот полезть, свечи... А сегодня кнопку нажал – уже наклонились – она едет. Вот так вокруг нас роботы, с одной стороны, нам помогают, а с другой стороны, мы становимся некомпетентны во многих областях.

Так вот, роботизация приводит к тому, что мы освобождаем свое время. Чем его занимать? Сегодня, говорят, наступает эра праздности и досуга. Что это значит? Это легитимизированное право человека. У нас же много богатых вообще не работают. Помните, в царские времена наша элита, дворянство вообще не работали? То есть, это считалось привилегией. Выучи два языка, три танца, умей красиво кушать, и весь день твой состоит из балов. Это действительно так, была легитимизирована праздность. Так вот, мы возвращаемся по спирали, на более высоком уровне возвращаемся к возможной эре праздности и досуга, где мы должны будем управлять своим временем.

У психиатров, которые лечат алкоголиков, есть такой вопрос, он и с наркоманами связан: «А чем вы можете заменить?» Чем дать возможность заменить человеку его способ решения проблем, перемещения в другое мироощущение с помощью алкоголя, наркотиков... Вот его вылечили, запускают опять в социальное пространство, он как только сталкивается с первой трудностью, сразу уходит вот в это. То есть, надо учить, оказывается, человека управлять своим временем. Управлять тем, что ему интересно. То есть, человек должен управлять тем, что ему интересно. Не то, куда надо пойти работать ради того, чтобы получить 15 тысяч рублей и будущую пенсию в 11 тысяч рублей. Будущую пенсию усреднили. Почему вы не хотите получать пенсию в 11 тысяч? Почему сегодня ребенок, которому сегодня 23, 29 – почему он не хочет платить налоги? Может, тебе такую радость обеспечить? Через твои 40 лет мы дадим тебе 11 тысяч.

Я думаю, это тоже вопрос и к образованию, и к науке и, к собственно, жизненным стратегиям. Мы умеем, у нас есть, чем заняться, если наступит такое время. Мы к этому готовы. А это время стучится. Я не отвечал на вопросы, для меня это проблемы, которые возникли, и я думаю, мы будем как исследователи, как социологи, как экономисты – у нас

такое хорошее объединение в нашем Департаменте экономистов и социологов – мы будем пытаться искать ответы на эти вопросы. Спасибо большое.

Реплика из зала: У меня такой вопрос, я бы хотела узнать ваше мнение: мне кажется, что сейчас большая часть бизнес-литературы как раз строится на том, что надо стараться сокращать время, которое мы тратим на решение задач. То есть, как раз быть в хорошем смысле слова ленивым, освобождая себе время на образование, чтобы эффективнее выполнять те задачи, которые у тебя были до этого. Разве человек, который привык работать, трудиться, он не будет уходить как раз вот в это? Он будет занимать свое время на то, чтобы эффективнее выполнять то, что выполнял до этого. То есть, по логике вещей, мне кажется, что проблема того, что у нас в какой-то момент появится слишком много свободного времени, она не стоит.

Тюриков Александр: Задумайтесь, вот у нас здесь опять гендерная диспропорция стоит. Мы с вами представили ряд уже женщин. Мы примерно лет 40 назад вспоминали свое домохозяйство, что мы делали дома без различных приборов, которые нам помогали молоть, косить, пылесосить, стирать, гладить и так далее. И вот это время незаметно, причем очень быстро – помните, мы еще раньше с вами писали письма друг другу, иногда каждый день, причем писали очень грамотно, красиво, а многие в стихах – так вот, это время сегодня высвободилось. Задаем себе вопрос – и чем мы это время заняли? Мы стали более креативными, мы стали больше заниматься собственным развитием, у нас появились новые виды деятельности, которые не называются работой с точки зрения минимальных потребностей, а появилось что-то, что мы делаем в удовольствие? И когда я говорил вам о наркологах, которые задают вопрос, он говорит: «У вас есть дело, которое вы делаете для удовольствия?» И вот мужчину он пытается, и мужчина говорит: «Да я на даче люблю работать». Ему говорят: «Да нет, вы же работаете, а вот для удовольствия что?» «Хобби у меня», - говорит, «нет». «А вообще для удовольствия что вы делаете?» Человек был с опытом, хорошим образованием, он не смог ответить на этот вопрос. Я так себе задал: «А что я?» Это действительно вопрос, что мы можем сделать, когда над нами нет рамок. Когда рамки – это ты сам. Вот что мы будем делать? Пойдем ли что-то изучать, учить, в чем-то новом копать? Не знаю.

Модератор: Уважаемые коллеги, можно я только дополню? Это у вас оптимистичная картина, что вам за ваши 20 часов в неделю работы платят достаточно, чтобы у вас было желание что-то поизучать. Наши перспективы совершенно неоднозначно столь радужны, возможно, вы будете... Я не хочу сказать «ходить и искать корку хлеба, выброшенную тем, кто счастливчик и имеет эти деньги». Но поэтому, на самом деле, мы специально и выстроили сегодня так, чтобы мы понимали... Нам говорят: «Цифровая экономика,

цифровые технологии». Я вот почерпнула от Андрея Михайловича: цифровые технологии = безлюдные технологии. И когда мы начинаем понимать вот эту реальность, мы должны понимать об этой комплексности, и, как видите, мы постарались выстроить нашу секцию максимально комплексно, с разных сторон посмотреть. У нас не было сегодня выступления по образованию, но понятно, что оно везде есть. И если говорить про здоровье все-таки, без него невозможно ни счастье, ни интерес к чему-то и заполнение досуга даже. Я должна сказать, что наши социальные инженеры прямо шагают по граблям, которые уже отрефлексированы даже Западом. Вот эта у нас дилемма, коммерциалисты или менеджеры, вот в рамках коммерциализации, медицина ставит очень серьезные вопросы, на которые уже наткнулись страны, которые эти либеральные реформы уже провели, и как они говорят о том, что необходима управленческая революция в здравоохранении. Потому что менеджер нажимает на... Снимает в сторону за каталку после четырех часов работы над реанимацией или в интенсивной терапии, допустим, больного, потому что вышло то время, которое отпущено и оплачивается страховой компанией, понимаете? И это я прочитала в газете Guardian за 2017 год, не времен Тэтчер, которая это все запустила, а сейчас. А мы, к сожалению, идем именно по этому пути. Поэтому нам будет чем заняться.

Но я надеюсь, что у нас будет досуг, который мы, социальным конструированием устраивающей нас реальности и займемся все вместе. Спасибо, коллеги, надеюсь, что вам было нескучно.